

ЯЗЫК И ЭКОНОМИКА: ТЕНДЕНЦИИ XXI ВЕКА

Финансовая глобализация представляет собой экономический фактор, который необходимо учитывать в процессе принятия решений в области языковой политики. Интеграция в современном мире – неотвратима. В настоящее время страны с низкими показателями доходов на душу населения также вливаются в этот процесс. Современные американские и западно-европейские ученые в смежных отраслях науки направляют свой исследовательский интерес на изучение существующих демографических и экономических тенденций и возможного их влияния на модели языкового распространения, языковых контактов и языкового возрождения. Перечисленные тенденции не могут не учитываться политиками в сфере развития и функционирования языка, его распространения и экологии.

Во многих работах доказано, что в настоящее время экономические мотивации играют существенную роль в перестановке языковых групп, обсуждении и выстраивании интересов и создании политических альянсов. Несмотря на это вряд ли можно констатировать, что ученые-лингвисты, прикладники или профессионально занятые в сфере образования обращают на взаимодействие языка и экономики сколько-нибудь серьезное внимание. По наблюдениям швейцарского исследователя Ф. Грина, языковые проблемы воодушевляют современных экономистов больше, нежели экономические - лингвистов [1]. Исследование узкоспециальных аспектов взаимодействия языка и экономики чрезвычайно важно для принятия решений в области языкового планирования и прогнозирования. Поскольку любое планирование – это, по сути, футурология, базирующаяся на информации, можно предположить, что большая часть макроэкономических тенденций отражается на взаимодействии этих и других, связанных с ними, областей знания. Тот же Грин справедливо отмечает, что для современной науки характерен симбиоз исследовательских подходов и приемов, поэтому экономикой невозможно уличить в академическом империализме. Экономические методы изучения соседствуют с социологическими, антропологическими и историческими всегда, когда речь заходит о синергетической научной парадигме. Более того, разработчики языковой политики должны всегда полагаться на экономику языка и родственные дисциплины политического анализа, социолингвистику и образование. Именно благодаря интердисциплинарному подходу можно прогнозировать будущее развитие языков и их функционирование, а также потребности общества в тех или иных языках. Это очень сложная задача, решение которой усугубляется быстрыми технологическими инновациями, порождающими долгосрочные тенденции на основе краткосрочных подтверждений данных тенденций.

Так, статья ученого из Техасского университета П. Брютью посвящена рассмотрению пересечения экономических и более широких социальных и геополитических факторов, влияющих на языковое планирование и языковую политику [2]. Исследователь начинает с рассмотрения концепции глобализации и заявляет, что в настоящее время можно говорить о существовании нового феномена, напоминающего процесс, который происходил в конце XIX – начале XX веков.

Независимо от того, даст ли процесс финансовой глобализации обратный ход или получит новый импульс развития и, таким образом, затронет страны с низким доходом на душу населения, он, так или иначе, по мнению автора, будет иметь существенные последствия для будущих моделей транснационального использования языка. В поле зрения П. Брютью попали недавние доклады, свидетельствующие о том, что сочетание дивергентных демографических тенденций и расходов в публичном секторе создают экономические условия, которые направлены на все увеличивающуюся пропасть между военными потенциалами США и стран Западной Европы. Данная тенденция важна для осуществления глобальных внешнеполитических планов США и для распространения английского языка в мировом масштабе. В такой ситуации языковедам и специалистам в области языковой политики остается лишь размышлять над тем, как лучше всего ответить на вызов со стороны трансформаций в тех направлениях, которые далеко не все одобряют.

Глобализация и язык

Несмотря на широкий контекст обсуждения концепции глобализации в современном мире, это понятие до сих пор остается недетализированным. Профессиональная риторика лингвистов-прикладников, как правило, соотносит глобализацию с процессом культурной гомогенизации на фоне растущего могущества международного капитализма, представленного транснациональными финансовыми рынками и мультинациональными корпорациями. Этот процесс обсуждается в последнее время в связи с распространением английского языка и его влиянием на языковое использование в модернизированных обществах. Критика, как правило, сосредоточена на разрушительных процессах и защищает позицию тех, кто сопротивляется общемировым тенденциям глобализации.

Экономисты рассматривают глобализацию значительно уже – как постепенную интеграцию мировой экономики и, в частности, того, что подразумевает свободный поток товаров, услуг и капитала. Среди специалистов-экономистов есть и такие, которые заявляют, что процесс глобализации отнюдь не нов.

В детальном анализе экономических компонентов глобализации и, в частности, моделей мобильности капитала за последние сто лет Обстфелд и Тейлор показали, что при ближайшем рассмотрении глобализация не воспринимается как абсолютно новый феномен [3]. В конце XIX в. международная торговля (при помощи таких технологических инноваций, как судоходство на пару, строительство каналов, использование телеграфа, трансокеаническая прокладка кабелей) привела к росту финансовых сетей, распространивших свое влияние от Лондона и Нью-Йорка до Австралии, Латинской Америки и Южной Африки. Закономерным результатом явился тогда процесс глобальной интеграции, характеризовавшийся высокой степенью контроля, который осуществлялся единой властью под названием Британия. В своем зените британские акции тотального заграничного инвестирования достигли почти 80 % отметки, что, для сравнения, значительно превышало недавний рост акций США до 22 % (1995 г.) и достижение пика одноименных показателей для акций США - 50 % (1960 г.) [2. с. 84].

Исторически сложилось так, что ранняя фаза глобализации длилась недолго. Обстфелд и Тейлор показали в своем исследовании, что подъем мобильности капитала начался в 1880-х годах и закончился накануне Первой мировой войны. Вплоть до конца Второй мировой войны финансовый рынок пребывал в состоянии абсолютного коллапса. Составляя лишь 7 % от мирового уровня валового продукта в 1870 г., иностранные активы поднялись до отметки чуть ниже 20 % в 1914 г., вновь опустились до 8% в 1930 г., достигли 11 % в 1938 г. и составили лишь 5 % в 1945 г. В конце 1960-х годов коэффициент составлял 6 % и к 1980 г. вернулся к отметке кануна Первой мировой войны – 25 % [2. с. 86]. За последние 20 лет показатели существенно возросли (до 62 % в 1995 г.). По утверждениям ученых, последствия такого роста смягчатся в настоящее время тем фактом, что контроль и собственность «разбросаны» по различным географическим регионам, а текущие модели глобализации не захватывают мобильность рынка труда. Более того, некогда мощные иммиграционные потоки в страны Запада на современном этапе ограничены или даже приостановлены по сравнению с прошлыми историческими периодами.

Современные ученые - сторонники свободной торговли - выражают беспокойство по поводу существования риска, что прибыль от растущей торговли может распределяться в неравных долях и что рынки капитала принесут больше зла, чем добра.

Тем не менее современные модели глобализации отличаются от прежних тем, что операции с капиталом, обращенные к бедным странам, намного отстают от того уровня, который был характерен для начала XX в. При этом пары стран, вовлеченных в сделку, скорее можно охарактеризовать как «богатая-богатая», чем «богатая-бедная». Так, в 2000 г. 81 % акционерного капитала ушел прямым инвестированием в страны с высоким уровнем доходов; 18 % - в страны со средним доходом. Всего 1 % пошел в бедные страны [4]. На практике, как правило, капитал не оседает в больших объемах в бедных странах, так как современные правительства обладают способностью создавать барьеры движению капитала. Другое объяснение – в настоящее время можно без особого труда найти необходимую информацию, относящуюся к валютным рискам, а также странам, за плечами которых есть пережитый дефолт или нестабильная ценовая политика на внутреннем рынке.

Эти модели могут иметь существенное значение для будущей глобализации. Их влияние на использование языка и языковую политику также может быть значительным. По справедливому замечанию Обстфелда и Тейлора, то, что явилось неизбежным и необратимым для процесса финансовой глобализации в начале XX в., превратилось в камень преткновения несколькими десятилетиями позже. Хотя экономические причины такого полного изменения чрезвычайно сложны, а последствия усилены разрушительными военными и идеологическими конфликтами, невозможно предположить, что сценарий очередного переворота не будет вновь повторен. В таком случае за относительно случайной дезинтеграцией последуют десятилетия, когда отдельные части снова будут собираться в единое целое. Для многих аналитиков становятся очевидными знаки противоположных тенденций в недавних движениях по созданию протекционистских барьеров в США или других странах, которые нашли свое выражение в протестах против деятельности таких организаций, как МВФ или ВТО. В ходе проведения Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD – United Nations Conference on Trade and Development) была получена реальная информация о прямом инвестировании в другие страны (FDI – Foreign Direct Investment). Из доклада [5] следует, что в 2001 г. спад инвестирования уменьшился по сравнению с уровнем 2000 г. Амплитуда спада при этом колеблется от 59 % в странах с высоким доходом населения до 14 % - в странах с низким уровнем доходов. Эти данные показывают, что FDI остается по-прежнему на относительно высоком уровне по историческим стандартам. Информация такого рода подтверждает, что страны с низким доходом, в частности африканские страны, остаются, как правило, маргинальными участниками в процессе глобализации капитала.

Для многих такая относительная изоляция бедных стран от процесса финансовой глобализации может показаться вполне благоприятной. Другими словами, данное обстоятельство может повысить шансы сохранения своей финансовой, культурной и языковой автономии. Однако альтернативный сценарий предполагает, что может существовать причинно-следственная связь между низким уровнем FDI и уровнем бедности. В таком случае вполне возможно, что в какой-то период времени, как это уже было на предыдущих этапах глобализации, мобильный капитал сделает выбор в пользу бедных стран, которые он в настоящее время избегает. Если отсталые в экономическом отношении страны примут помощь от развитых стран в виде зарубежных инвестиций, а также если в них изменится языковая практика, вполне можно прогнозировать, что бедные страны будут находиться под

огромным влиянием со стороны английского языка, выступившего в качестве доминантного языка международных инвестиций. Без сомнения, антиглобалисты из числа специалистов по языковой политике примутся отстаивать свои принципы с новой силой. При таких обстоятельствах им не следует упускать из виду связь между уровнем притока капитала и бедностью, с одной стороны, и сохранением / изменением языка – с другой.

Как справедливо отмечает Грин, понимание этих отношений остается неполным. Не вызывает сомнения утверждение о том, что экономический вес США играет важную роль в понимании и признании доминирующей роли английского языка. Какой из двух сценариев, описанных выше, – всемирное сокращение расходов в результате финансовой глобализации либо еще большее вовлечение глобального капитала в бедные страны одержит верх в ближайшем будущем и повлияет, тем самым, на социолингвистические модели через несколько десятилетий, покажет время. Пока специалистам-языковедам и тем, кто занимается языковой политикой, следует воздерживаться от предположений о линейной прогрессии в процессе глобализации капитала и непременно разрушительных последствиях для распределения и использования языков. Профессионалы должны изучать один пример за другим, беря во внимание отношение между макроэкономическими показателями и социолингвистическим изменением.

Влияние демографических и экономических факторов на язык

Аксиоматично положение о рискованности предсказывать будущие тенденции общественного развития. Не менее рискованно предполагать модели языкового распределения и использования, а также отношения внутри языковой иерархии. Обращая внимание на множество взаимосвязанных факторов, не представляется возможным с точностью описать стремительные тенденции развития английского языка как языка международного. В настоящее время широко обсуждаются проблемы экономики глобализации и ее влияния на язык. Однако крайне редко анализируются возможные последствия реализации милитаристских планов ведущей мировой державы – США. Так, Палмер, Кришнасвами и Берде предложили детальные исследования роли, которую играют военные кампании в распространении английского языка в Ирландии и Индии соответственно [6; 7]. Ученые убедительно показали на конкретных примерах, что целесообразно прогнозировать тенденции языкового распространения и использования в более широком контексте демографических данных и социоэкономического выбора, сделанного нациями. Любопытным является подход исследователей к уяснению влияния на языковые процессы последствий осуществления военных планов США, например.

Полвека тому назад в годы холодной войны население западно-европейских стран, не входивших в Варшавский договор, точно вдвое превышало численность населения США (304 млн против 152 млн) [8; 9]. При последних подсчетах численность населения США увеличилась до 281 млн. Данный факт объясняется, отчасти, тем, что уровень рождаемости в США внезапно возрос и достиг коэффициента в 2,1, в то время как в Европе уровень рождаемости продолжает неуклонно снижаться. В 1980-х годах XX в. он держался на отметке в 1,9. К настоящему периоду времени показатель рождаемости снизился до показателя 1,4. Существенным дополнительным демографическим фактором явился недавний приток в США иммигрантов из латиноамериканских стран, для которых уровень рождаемости находится на отметке 3,0. Как правило, предсказания иммиграционных всплесков также довольно рискованны. Они зависят от политических и даже экологических изменений. Бюро переписи населения США прогнозирует прирост иммиграционного населения на 71,8 % на период 2000-2005 годов, в то время как в Европе планируется прирост населения на 28,2 %. К середине XXI в. население Европы по подсчетам должно достигнуть 360 млн, при этом уровень прироста будет в целом падать. Население США предположительно достигнет 550 млн человек. Уровень прироста будет возрастать.

Еще более существенным фактором считается возрастное распределение населения. За тот же самый период средний возраст населения повысится с 35,5 до 36,2 лет в США и с 37,7 до 52,7 лет – в Европе. Как в США, так и в Европе численность населения до 14 лет в 1985 г. равнялась примерно 20 %. К 2020 г. прогнозируется, что в Европе количество детей в возрасте до 14 лет будет 13,7 % по сравнению с 18,6 % в США. К 2050 г. население европейских стран старше 65 лет составит 60 % по отношению к населению работоспособного возраста. В США данная возрастная группа составит 40 %. Социально-экономические последствия демографических процессов скажутся существенным образом как на американцах, так и на европейцах, с той лишь разницей, что они пройдут в диаметрально противоположных направлениях. Количество людей пенсионного возраста будет превышать численность работающих. Уровень зависимости в США будет понижаться за счет того, что молодое поколение постепенно достигнет трудоспособного возраста, в то время как в Европе этот уровень будет ползти вверх. Процесс старения населения и возрастание уровня зависимости будет еще более быстрыми темпами происходить в Японии. Поскольку нации столкнутся с растущими издержками старения поколения baby-boomers, правительственный долг в 2050 г. составит почти 100 % от валового дохода в США, 150 % - в странах ЕС и свыше 250 % - в Германии и Франции. Возможно, то же самое ожидает Китай – жертву контроля над ростом населения. Относительно немногочисленное работоспособное население будет нести ответственность за свое многочисленное стареющее население до тех пор, пока страна не сможет найти ресурсы и обеспечить достойную старость за счет повышения налогообложения снижающейся численности населения.

Можно предположить, что подобные демографические проекции будут иметь, по крайней мере, два основных экономических подтекста. Прогнозируется, что к 2050 г. экономика США будет приблизительно в два раза мощнее и крупнее, чем экономика всех объединенных в ЕС стран. Американский рынок примет еще более угрожающие и преувеличенные масштабы, имея в своем распоряжении 400-550 млн потребителей. Возможным последствием этого является то, что США получат превосходство во всем, что касается бизнес-практики и действия потребительских тенденций. В сфере функционального использования языка можно также предположить, что власть и доминирующее влияние американского варианта английского языка будут стабильно расти по сравнению с другими языками. Иными словами, усилится притеснение многочисленных языков. Некоторые языки этнических меньшинств еще в большем объеме сократят свои социальные функции. Однако описываемый процесс может одновременно вызвать большую настойчивость со стороны носителей некоторых миноритарных языков, которые составляют пару так называемой коммуникативной компетенции английскому языку и являются доминирующим средством общения на местном уровне.

Вторым, не менее значимым последствием развития демографических и фискальных тенденций является, скорее всего, то, что США будут наверняка выделять значительную часть своего валового дохода на милитаристские цели. Основное различие между европейскими странами и США состоит в том, что сразу же после окончания холодной войны Европа и Америка по-разному распоряжались распределением публичных средств. США большую часть традиционно направляли на оборону (или вооружение, все зависит от предпочитаемой метафоры), в то время как Европа усиливала социальные программы. В 2000 г. США направили на оборону примерно в два раза больше средств, чем ЕС (3 % валового дохода) [2. с. 89]. Понятно, что существующие различия неизбежно увеличивают пропасть между военными возможностями двух сторон. Налицо доминирование американской военной машины и ее готовность демонстрировать свое военное превосходство всегда, когда это возможно. При условии, что данная модель меняется, можно получить приблизительно следующую картину: европейцы начинают на себе ощущать разрушение своего военного потенциала. 30 % населения – старше 65 лет. Данная ситуация вряд ли изменится в середине XXI в., когда пропорции удвоятся.

Невзирая на перечисленные возможные последствия, военные планы в какой-то степени могут вызвать лингвистическое перемещение вследствие распространения власти и доминирующего влияния на враждебную страну (например, Ливан, Саудовскую Аравию, Сомали, Ирак). Планы ассигнований на военные нужды США, ЕС или Китая должны, по-видимому, иметь предсказуемые последствия для языкового распространения и изменения роли английского языка в общемировом масштабе перед лицом местных языков, других вариантов английского языка и иных конкурентно способных языков более широкой коммуникации. Если быть точным, предсказание функционального распространения американского варианта английского языка не вызовет восторженного отношения к данному факту со стороны многих специалистов по языковой политике, академических кругов, лингвистов, которые занимаются языковым возрождением и мириадами других проблем, находящихся в плоскости культурного разнообразия и языковой жизнеспособности. Напротив, потенциальная возможность подобных проекций вполне способна породить обратные тенденции и вызвать желание защищать культурное и языковое разнообразие. Такая возможность не может не вызывать оптимизм, по мнению Брюто [2. с. 89]. Каковы бы ни были последствия, ни в коем случае не следует пренебрегать текущими демографическими тенденциями и усиливающимися военными планами США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Grin F. Language planning and economics // *Current Issues in Language Planning*. – 2003. - № 4 (1). – P. 1-66.
2. Bruthiaux P. 21- st Century Trends in Language and Economics // *Current Issues in Language Planning*. – 2003. - № 4 (1). – P. 84-90.
3. Obstfeld M. and Taylor A.M. Globalization and Capital Markets // *NBER Working Paper Series*, № 8846 – Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. – 2002.
4. Graham E.M. *Fighting the Wrong Enemy: Anti-Global Activists and Multinational Enterprises* / E.M. Graham. – Washington, DC: Institute for International Economics. – 2000.
5. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) // *World Investment Report: Transnational Corporations and Export Competitiveness*. – New-York: UNCTAD. – 2002.
6. Palmer P.A. *Language and Conquest in Early Modern Ireland: English Renaissance Literature and Elizabethan Imperial Expansion* / P.A. Palmer. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2001.
7. Krishnaswamy N. and Burde A.S. *The Politics of Indians' English: Linguistic Colonialism and the Expanding English Empire* / N. Krishnaswamy and A.S. Burde. – New-York; Oxford University Press. – 1998.
8. *Demography and the West* // *Economist*. – 24 August 2002. – P. 18-20.
9. US Census (2000) Washington, DC: US Census Bureau // On : WWW at <http://www.census.gov>.